

О ВАРЬИРОВАНИИ РЕАЛЬНОЙ И ИРРЕАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В КОНТЕКСТУАЛЬНОМ СОДЕРЖАНИИ ПРИЧАСТИЙ

Рассматривается специфическая модификация лексико-грамматического содержания причастий – выражение значений ирреальной модальности. Установлено, что модальные значения в контекстуальном содержании причастий чаще обнаруживаются у действительных причастий настоящего времени и страдательных причастий прошедшего времени.

This article is devoted to the consideration such of specific modification of the lexical and grammatical content of participles as modal modification. As a result of the research present participles active and past participles passive are modifying primarily their modal meaning.

Лексико-грамматическая семантика причастий «подвергается глубоким изменениям», поскольку «в причастной форме сталкиваются и объединяются противоречивые ряды значений» (Виноградов 1972, 230). Объединение в причастии различных грамматических значений (залоговых, видовых, временных), их своеобразная «диффузия» определили стойкий исследовательский интерес к данным атрибутивным формам глагола (М.В. Ломоносов, В.В. Виноградов, А.М. Пешковский, И.И. Мещанинов, А.В. Исаченко, В. Грабье, Л.Л. Буланин, М.А. Шелякин, П.А. Лекант, Л.П. Калакуцкая, Н.А. Луценко, Г.В. Донченко, А.А. Камынина, В.И. Чуглов, Р.К. Кавецкая, Н.М. Лисина, И.В. Одинцова, Т.Н. Волынец, В.В. Шигуров и др.). В результате анализа свойств причастий лингвисты пришли к выводу об условном характере грамматической семантики причастных форм, ее контекстуальной открытости. По сути, причастия выполняют в речи роль «конденсаторов семантической и грамматической информации» (Волынец 1998, 138). В связи с этим особенно интересным нам представляется выражение причастиями модальных значений.

Принято считать, что причастия реализуют значение реальной модальности. Однако при функционировании причастий в контекстах с ирреальной модальностью в их лексико-грамматическом содержании часто обнаруживаются соответствующие значения, что вполне объяснимо: причастия не могут не приобретать значений ирреальной модальности, поскольку грамматическая семантика причастий, как правило, координируется с семантикой предикативных глагольных форм и в целом соотносится с общей модальной окрашенностью высказывания. Между тем закономерности приобретения причастными формами значений ирреальной модальности, условия варьирования реальной/ирреальной семантики в причастных подсистемах остаются пока не выясненными.

Обратившись к художественному тексту как материалу для исследования (нами были рассмотрены причастия-словоупотребления, функционирующие в русскоязычной художественной и мемуарной прозе В.В. Набокова) и эксплицировав контекстуальное лексико-грамматическое содержание причастия посредством перевода атрибутивной конструкции в адекватную исходной предикативную, мы установили следующее.

1. Модальные значения в контекстуальном содержании причастий обнаруживаются редко.
2. Полной «модальной» модификации системного лексико-грамматического содержания причастия, как правило, не происходит: чаще всего ирреальные модальные значения являются лишь оттенками в контекстуальном содержании причастий.
3. Приобретение причастиями ирреальных семантических оттенков в целом характеризуется нейтральностью по отношению к типу контекста (описательный (статичный)/повествовательный (динамичный)).
4. Количественный и качественный состав трансформов (конструкций с предикативными глагольными формами, замещающими причастные формы) с модальными компонентами распределяется неравномерно внутри причастных подсистем и зависит от содержания высказываний и специфики текста в целом (его жанровой принадлежности, композиционного, идейно-содержательного и художественно-стилевого своеобразия). Варьирование значений ирреальной/реальной модальности наблюдается преимущественно у действительных причастий настоящего времени и страдательных причастий прошедшего времени.

Наиболее устойчивой к модальному влиянию контекстов оказывается подсистема **действительных причастий прошедшего времени**. Именно эти причастия из всех причастных подсистем современного русского языка являются «наиболее глагольными» и довольно устойчивыми к любому (временному, видовому, залоговому) влиянию контекстуального окружения. Модификация их первичных (системных) грамматических значений времени и вида, в особенности выражение данными причастиями различных ирреальных значений, – явление, встречающееся довольно редко и потому представляющее особый интерес. Нами, однако, не зафиксированы контексты, позволяющие интерпретировать процессуальные признаки, обозначенные данными причастиями, как ирреальные (следует заметить, что речь идет о причастиях, замене которых предикативными глагольными фор-

мами не препятствуют структурные, семантические или стилистические факторы (см. Скворцова 2008, 60–62)). Между тем объективности ради необходимо отметить, что действительные причастия прошедшего времени все же приспособляются к модальной тональности предложений, причем как утвердительных, так и отрицательных (см. Волюнец 1998, 62–63). Отсутствие подобных явлений в нашем материале ни в коей мере не отрицает возможности выражения данными причастиями ирреальных значений, а, напротив, указывает на то, что наполнение контекстуального лексико-грамматического содержания причастий модальными значениями находится в прямой зависимости от специфики контекста функционирования причастий, от жанрово-стилистических и индивидуально-авторских особенностей текста в целом.

Наиболее подвержены «модальной» модификации системного лексико-грамматического содержания страдательные причастия прошедшего времени, а также **действительные причастия настоящего времени**, которые, в отличие от действительных причастий прошедшего времени, характеризуются большей отвлеченностью и значительным ослаблением «глагольного заряда».

*Будь я живописцем [...] вот что я бы придумал [...]. Были бы тополя, яблоки, воскресное утро в пригородном доме. Был бы огненный самоцвет, **растворяющийся** в кольцеобразной зыби, одно последнее содрогание, один последний мазок краски [...]* (роман «Лолита»). → [...] *Был бы огненный самоцвет, который **растворяется/растворялся бы** в кольцеобразной зыби, одно последнее содрогание, один последний мазок краски [...]*. Исходными контекстами обозначаются условные ситуации. Предикативная глагольная форма *растворяется* эксплицирует значение обычного действия, заключенного в причастной форме. Форма *растворялся бы*, безотносительная к грамматическому значению времени, соответствует ситуации, представленной в исходном предложении: процессуальный признак, обозначенный причастной формой, интерпретируется как возможный при известных условиях.

*Я разыграл истерику. Я стал заклинать Джона ничего не предпринимать. Сказал, что не мог бы вынести сейчас постоянное присутствие девочки, **плачущей, цепляющейся** за меня, – она такая впечатлительная, подобные потрясения могут отразиться на ее будущем...* (роман «Лолита»). → *Сказал, что не мог бы вынести сейчас постоянное присутствие девочки, которая **будет плакать/плачет/плакала бы, будет цепляться/цепляется/цеплялась бы** за меня, – она такая впечатлительная, подобные потрясения могут отразиться на ее будущем, психиатры проанализировали такие случаи...* В преобразованном контексте глагольные формы с грамматическим значением будущего времени и формы сослагательного наклонения отражают ситуацию гипотетических действий-процессов исходного контекста, формы настоящего времени выражают значение настоящего неактуального (не локализованного во времени).

*[...] Ах, если бы я мог вообразить его [читателя] в виде светлородого эрудита, **посасывающего** розовыми губами *la romme de sa canne* и **упивающегося** моим манускриптом! [...]* (роман «Лолита»). → [...] *Ах, если бы я мог вообразить его [читателя] в виде светлородого эрудита, который **посасывает/посасывал бы/будет посасывать** розовыми губами *la romme de sa canne* и **упивался бы/будет упиваться** моим манускриптом! [...]*. При грамматическом преобразовании исходного модально окрашенного контекста содержание причастий эксплицируется трехчленным рядом предикативных глагольных форм: формы *посасывает* и *упивается* выражают значение настоящего неактуального времени, формы *посасывал бы/будет посасывать* и *упивался бы/будет упиваться* равно возможны благодаря контексту с модальным значением предположения, в который включены причастия.

Двучленный ряд с глагольными формами, противоположными по своим видовым характеристикам, появляется в том случае, если модально окрашенный исходный контекст способствует ослаблению видового противопоставления:

*[...] Но мне пришлось посвятить некоторое время [...] приведению постели в несколько более приличный вид, **говорящий** скорее о покинутом гнездышке нервного отца и его озорницы-дочки, чем о разгуле бывшего каторжника [...]* (роман «Лолита»). → [...] *Но мне пришлось посвятить некоторое время [...] приведению постели в несколько более приличный вид, который **говорил бы/сказал бы** скорее о покинутом гнездышке нервного отца и его озорницы-дочки, чем о разгуле бывшего каторжника [...]*.

Нехарактерным является приобретение действительными причастиями настоящего времени модальной семы 'возможности' при сохранении собственного видо-временного значения:

*Лужин быстро перелистывал их, добираясь до той страницы, где, между стихотворением Коринфского [...] и отделом смеси со сведениями о **передвигающихся** болотах [...] была гравирована шахматная доска* (роман «Защита Лужина»). → *Лужин быстро перелистывал их, добираясь до той страницы, где, между стихотворением Коринфского [...] и отделом смеси со сведениями о болотах, которые **передвигаются/могут передвигаться** [...] была гравирована шахматная доска.*

*Когда я была маленькой, я не любила рисовать ничего кончающегося, так что заборов не рисовала [...] нельзя себе представить **кончающийся** забор, – а всегда что-нибудь завершенное, – пирамиду, дом на горе* (роман «Дар»). → *Когда я была маленькой, я не любила рисовать ничего кончающегося, так что заборов не рисовала [...] нельзя себе представить забор, который **кончается/может***

КОНЧИТЬСЯ/КОНЧИТСЯ, – а всегда что-нибудь завершённое, – пирамиду, дом на горе. Причастная форма *кончающийся* также допускает вариативность интерпретации. Так, преобразование исходного контекста может идти в направлении: 1) предикативной глагольной формы *кончается*, выражающей значение настоящего неактуального времени; 2) сочетания модального глагола с инфинитивом совершенного вида; 3) формы будущего времени глагола *кончиться* вследствие гипотетичности содержания предикативной части.

В контекстуальном содержании **страдательных причастий настоящего времени**, напротив, модальные значения обнаруживаются крайне редко.

Он знал поэтому, что и в данном случае чтение Стивенсона никогда не прервется дантовой паузой, знал, что, случись такой перерыв, он не испытал бы ничего, кроме убийственного холода, что требования воображения неисполнимы, и что тупости взгляда, прощаемой прелестным, влажным глазам, неизбежно соответствует недостаток до тех пор скрытый, – тупое выражение груди, которое простить невозможно (роман «Дар»). → *Он знал поэтому, что и в данном случае чтение Стивенсона никогда не прервется дантовой паузой, знал, что, случись такой перерыв, он не испытал бы ничего, кроме убийственного холода, что требования воображения неисполнимы, и что тупости взгляда, которую прощают/которая прощается/которую можно простить прелестным, влажным глазам, неизбежно соответствует недостаток до тех пор скрытый, – тупое выражение груди, которое простить невозможно*. Наличие трехчленного ряда объясняется интерпретацией заключенного в причастии действия как действия, не локализованного во времени (со значением настоящего неактуального времени): ‘тупость взгляда люди прощают/людьми прощается, если у человека прелестные, влажные глаза’; и как возможного единичного действия: ‘тупость взгляда можно простить, если у человека прелестные, влажные глаза’.

Включенность **страдательных причастий прошедшего времени** в обозначение признаков-действий, еще не ставших фактом действительности, но желаемых, возможных или необходимых, также предопределяет появление у данных причастий соответствующих модальных значений.

Благополучно добравшись до дому, выпавшись и выйдя утром на увитый глициниями балкон, Мартын пожалел, что не обезоружил пьяного шатуна: отнятым револьвером он бы мог загадочно похвастать (роман «Подвиг»). → *Благополучно добравшись до дому, выпавшись и выйдя утром на увитый глициниями балкон, Мартын пожалел, что не обезоружил пьяного шатуна: револьвером, который отнял бы, он бы мог загадочно похвастать*. Сослагательное значение в содержании причастной формы формируется благодаря семантике сказуемого *мог бы похвастать*, с которым причастная форма в исходном контексте скоординирована в одном модальном плане.

Особый интерес представляют многочисленные ряды трансформов, поскольку они эксплицируют контаминацию различных грамматических значений в контекстуальном содержании причастий. Наличие подобных рядов, отражающих варьирование реальной и ирреальной семантики у страдательных причастий прошедшего времени в конкретном идиостиле, весьма показательно. По-видимому, такая «вместимость» причастий и одновременно их «выразительная краткость», о которой говорил еще А.С. Пушкин, оказываются для художника слова одним из основных мотивов их выбора из арсенала языковых средств.

И, наконец, давай посмотрим, что получится, если ты, малолеточка, обвиненная в совращении взрослого [...] обратилась бы в полицию [...] (роман «Лолита»). → *И, наконец, давай посмотрим, что получится, если ты, малолеточка, которую обвинили/обвиняют/которую обвинили бы в совращении взрослого [...] обратилась бы в полицию [...]*. В данном примере признак-действие оказывается в позиции грамматической и семантической нейтрализации по отношению к видо-временным и модальным характеристикам действия. Форма *обвинили бы* отражает ситуацию гипотетического условия, в которой употреблена причастная форма.

Таким образом, причастные формы восприимчивы к модальному влиянию, несмотря на то что в контекстах с ирреальной модальностью используются нечасто. По отношению к типовому характеру контекста (статичный/динамичный) модификацию модальной семантики причастий можно назвать индифферентной. Преобладание нестандартной невариативной или нестандартной вариативной (с модальными компонентами) соотносительности причастий и предикативных глагольных форм колеблется в причастных подсистемах и зависит от частотности употребления причастий в типологически сходных модальных контекстах.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1972.
 Волынец Т. Н. Грамматический феномен причастия. Мн., 1998.
 Скворцова Н. Н. Реализация функций и лексико-грамматического содержания причастий в разных типах контекста (на материале русскоязычных произведений В.В. Набокова): Дис. ... канд. филол. наук. Мн., 2008.

Поступила в редакцию 20.06.11.

Наталья Николаевна Скворцова – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики.